



**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

КАФЕДРА русского языка

ТЕМА ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

**СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РОМАНЕ РОБЕРТА УОРРЕНА
ПЕННА «ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ»**

**Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование**

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Проверка на объём заимствований:
73,27% авторского текста

Выполнила:
Студентка группы ОФ-515/075-5-2
Дёмина Анастасия Алексеевна

Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована

« 8 » июня 2018 г.

зав. кафедрой русского языка и МОРЯ
д.ф.н., профессор Глухих Н.В.

Научный руководитель:
к.п.н., доцент кафедры русского языка и
МОРЯ
Омельченко Елена Витальевна

**Челябинск
2018**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Система приемов речевого воздействия.....	6
1.1. Речевое воздействие как лингвистическая теория.....	6
1.2. Языковые средства и приёмы речевого воздействия.....	9
1.3. Типы и формы речевого воздействия.....	18
Глава 2. Средства речевого воздействия в романе Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать».....	22
2.1. Языковые и художественные особенности романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать».....	22
2.2. Вербальные средства речевого воздействия как характеристика главного героя.....	26
2.3. Невербальные средства речевого воздействия как характеристика главного героя.....	32
Заключение	37
Библиографический список.....	39

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обращения к средствам речевого воздействия в романе Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» связана с установкой общей лингвистики на идею антропоцентризма, то есть направленность лингвистики на человека, его психологию, в результате чего текст рассматривается в его отношении к субъектам коммуникации. Развитие этой идеи обусловлено пониманием того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем»^[22]

Истоки антропоцентрической парадигмы восходят к идеям В. фон Гумбольдта и Э. Бенвениста. Особую роль в формировании антропоцентрического подхода сыграло гумбольдтовское понимание языка. Вильгельм фон Гумбольдт в работе «Избранные труды по языкознанию» дает понятие языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека»; как средства, «заложенного в самой природе человека и необходимого для развития его духовных сил и формирования мировоззрения». В этом труде В. фон Гумбольдт впервые отметил, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа».^[12] У Э. Бенвениста в его работе «Общая лингвистика», одна из частей носит название «Человек в языке». В этой части Э. Бенвенист развивает мысль о том, что язык, принадлежит уже самому определению человека.^[6]

В отечественной лингвистике об антропоцентризме как основном принципе современной лингвистики заговорил Ю. С. Степанов, анализируя концепцию Э. Бенвениста: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке».^[37]

Антропоцентризм осознается как главный принцип современной лингвистики на рубеже XX-XXI веков. По мнению В. Н. Телия, окончательное изменение научной парадигмы происходит благодаря смене статического воззрения на мир как на совокупность элементов и частиц на рассмотрение мироздания как динамической системы, разворачивающейся вокруг человека.^[42]

Поскольку сам язык антропоцентричен по своей сути, возникновение антропоцентрической парадигмы в языкознании было предопределено: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе... свои отношения к коллективу людей и другому человеку».^[2] В центре внимания антропоцентрической парадигмы оказывается личность носителя языка. Новый подход учитывает роль человеческого фактора в языке, вместо опоры на форму появляется опора на содержание, не на механизм, лежащий в основе языка, а на его применение.

Объект исследования: вербальные и невербальные средства речевого воздействия.

Предмет исследования: вербальные и невербальные средства речевого воздействия как характеристика главного героя романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать».

Материал исследования: роман Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать».

Цель исследования: проанализировать средства речевого воздействия в романе Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать».

Задачи: 1) анализ литературы по теории речевого воздействия и определение сути понятий;

2) анализ и систематизация вербальных и невербальных средств речевого воздействия;

3) исследование и анализ использования средств и приемов речевого воздействия при создании образа главного героя романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать»;

4) выявление особенностей реализации и систематизация средств речевого воздействия в романе Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать»;

5) создание методических рекомендаций по проведению семинаров, учебных занятий по риторике, теории и практике речевого воздействия с исследованием фрагментов текста романа в книжном и кинематографическом представлении;

6) составление глоссария новых терминов лингвистики.

В выпускной квалификационной работе использованы следующие методы исследования, которые позволили нам выявить специфику работы:

-метод анализа (литературы, текста романа, фрагментов, высказываний);

- метод лингвистического наблюдения (описательный);

- метод компонентного анализа (анализ значений языковых единиц);

-метод анализа словарных дефиниций;

-метод сплошной выборки;

-метод концептуального анализа;

-контекстный метод (средства речевого воздействия рассматриваются в контексте романа).

Теоретическая новизна исследования заключается в следующем:

- роман Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» рассматривается в аспекте речевого воздействия;

- уточняются теоретические понятия (средств и приемов речевого воздействия применительно к тексту романа);

- выявляются специфики использования приемов речевого воздействия в романе;

- применен алгоритм речевоздействующего анализа к фрагменту текста и к эпизоду фильма.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материал можно использовать на спецкурсах по теории речевого воздействия, на семинарах и факультативах в вузовских и школьных курсах.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Количество страниц –36.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

1.1. Речевое воздействие как лингвистическая теория

Интерес к изучению и разработке теории речевого воздействия возник еще в античных риториках. Подтверждением тому служат работы Аристотеля. Однако как самостоятельную и целостную дисциплину речевое воздействие стали выделять только с начала 20 века. Большой вклад в становление и развитие речевого воздействия как науки внёс американский педагог и оратор-мотиватор Дейл Карнеги (1888-1955), который ещё при жизни доказал, что в общении людей действуют определённые правила и законы.^[38]

Термин «речевое воздействие» впервые появился только в 1970-х годах в сборнике «Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики». Авторами сборника являются психолингвисты Института языкознания АН СССР. После этого наука речевого воздействия начала активно развиваться, ею стали заниматься учёные разных направлений, привнося в неё новые теоретические и практические данные. Существует несколько смежных наук, занимающихся проблемами речевого воздействия: традиционная системная лингвистика, психология, психолингвистика, коммуникативная лингвистика, дискурсивная лингвистика, прагмалингвистика, риторика, стилистика и культура речи, реклама, социология, теория массовой коммуникации и некоторые другие.

В современной отечественной лингвистике исследованию речевого воздействия посвящены работы А.А. Волкова, И. Ю. Черепановой, В.З. Демьянкова, О. С. Иссерс, М. Р. Желтухиной, П. Б. Паршина, Е. Ф. Тарасова, и др. В их работах большое внимание отводится именно волеизъявительной функции речи, то есть функции воздействия. Данная функция отвечает за передачу волеизъявления говорящего. В художественном тексте эта функция, как правило, выражается повелительным наклонением, а в устной речи ещё и интонацией.

Наряду с отечественной лингвистикой, современная зарубежная лингвистика также активно поднимает проблемы речевого воздействия, однако даёт этому явлению иные названия. Например, в исследования Карла Фосслера, Карла Поппера и некоторых других учёных наука речевого воздействия обозначается как «научная аргументация», а в работах Р. М. Блакара, Ю. Хабермаса – «пропаганда» и «технология убеждения».

Понятие «речевое воздействие» принято рассматривать в широком и узком смыслах. Е. Ф. Тарасов в своей работе «Речевое воздействие как проблема речевого общения» отождествляет речевое воздействие с речевым общением в целом. В своей работе Е. Ф. Тарасов пишет, что быть субъектом речевого воздействия — это значит регулировать деятельность своего собеседника, так как при помощи речи мы побуждаем другого человека начать, изменить, закончить какую-либо деятельность или создаем у него готовность к совершению той или иной деятельности, когда возникает в этом

необходимость. Речевое воздействие в узком смысле, по мнению Е.Ф. Тарасова, это речевое общение в системе средств массовой информации или агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией.^[41]

Е. В. Шелестюк в монографии «Речевое воздействие: онтология и методология исследования» обобщает работы отечественных и зарубежных исследователей в области теории речевого воздействия и риторики. В том числе в её исследовании представлен подробный анализ работы Е. Ф. Тарасова, где она делает вывод о том, что речевое воздействие в широком смысле — это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности.^[47]

В рамках нашей работы мы рассматриваем речевое воздействие в широком смысле, то есть как речевое общение, взятое в аспекте целевой обусловленности. На наш взгляд, наиболее подходящее для нашего исследования определение явлению речевого воздействия предложил российский филолог И. А. Стернин. Исследователь выделяет причины изменения функции языка как средства передачи информации в средство воздействия, даёт определение понятия «речевое воздействие», а также исследует его основные средства и приёмы. Он говорит о том, что наука речевого воздействия – это наука о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта.^[39]

Понятие «речевое воздействие» И. А. Стернин определяет так: «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели». В нашей работе мы будем опираться на определение, предложенное этим исследователем, так как оно наиболее близко к нашей точке зрения.

Как уже отмечалось, интерес к проблемам речевого воздействия резко возрос в середине 20 века. Многие исследователи утверждают, что это не историческая данность, а системное явление, появление которого обусловлено рядом политических, психологических, социологических и экономических факторов. В этой связи И. А. Стернин рассуждает о таком явлении, как персонификация личности (термин Б. Д. Парыгина). По определению И. А. Стернина, это рост индивидуальной неповторимости, непохожести человека на других людей.^[39] Именно персонификация личности является одной из причин изменения функций общения и языка в целом. Исследователь выделяет более десятка последствий персонификации, отразившихся на характере общения людей. Среди них наиболее значимо, во-первых, расширение сферы общения людей. Люди теперь могут общаться друг с другом по гораздо более широкому кругу проблем, чем, скажем, в 40-50-х годах прошлого века.

И. А. Стернин в своем исследовании приводит несколько факторов, влияющих на изменения функций общения, главным среди которых является увеличение доли эмоционального общения в общем объеме коммуникации. Исследователь пишет, что зачастую общение приобретает форму кратковременных эмоциональных вспышек.^[39]

Все указанные последствия привели к увеличению доли речевого воздействия в коммуникации. Причём воздействие может быть скрытым или явным для адресата, вербальным или невербальным, может иметь свою форму и даже жанр. Многие исследователи отмечают, что в некоторых коммуникативных ситуациях мы не осознаём факта воздействия, выбирая те или иные средства ответственности неосознанно. О специфике речевого воздействия рассуждает Н. Ю. Питецкий, объясняя её «особенностями естественного языка — универсальной семиотической системы, через призму которой человек познает действительность. Процесс речевого общения, и в частности речевого воздействия, является достаточно сложным феноменом, поэтому объектом анализа становятся и субъект, и объект речевого воздействия (исследуются, например, зависимость успеха речевого воздействия от социальных, психических и иных свойств коммуникантов, а также исследуется зависимость эффективности речевого воздействия от конфигурации социальных статусов коммуникантов)».^[30] О способах и средствах речевого воздействия подробно говорится в работах таких исследователей как Л. А. Киселёва, Е. В. Омельченко, П. Б. Паршин, И. А. Стернин, Е. В. Шелестюк и некоторых других. Необходимо разграничивать три понятия, относящиеся к теории речевого воздействия, но рассматривающие его с разных точек зрения. Это способы, средства и приёмы воздействия.

Способ речевого воздействия – это совокупность приёмов или операций практической деятельности, определяемой иллюкутивными целями воздействующего субъекта и подчинённых решению его конкретных задач. К способам речевого воздействия традиционно относят убеждение и внушение.

Таким образом в своей работе мы используем понятие речевого воздействия введенное И.А. Стерниным, так как он рассматривает понятие «речевое воздействие» в широком смысле, то есть как речевое общение, взятое в аспекте целевой обусловленности. На наш взгляд, определение речевого воздействия, введенное И.А. Стерниным, наиболее подходящее для нашего исследования.

К средствам и приемам речевого воздействия обратимся в следующем параграфе, в котором определим, что будем подразумевать под понятием «средства и приёмы речевого воздействия» и рассмотрим классификацию средств и приёмов воздействия.

1.2. Языковые средства и приёмы речевого воздействия

Средства и приёмы речевого воздействия — это специфические психологические, речевые и семиотические действия со стороны воздействующего субъекта, единичные либо совокупные, направленные на

достижение его целей (то есть на реализацию определенных иллокутивных сил)^[47]

В нашем исследовании мы будем анализировать материалы, опираясь на классификацию средств и приёмов воздействия, предложенную Е. В. Омельченко в монографии «Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса». Исследователь выделяет средства и приёмы речевого воздействия по типу структурных уровней языка: фонетический, лексико-семантический, синтаксический и уровень образных языковых средств. Так, на лексико-семантическом уровне Е. В. Омельченко выделяет такие приёмы речевого воздействия, как использование ключевых слов-символов, синонимия, паронимия, антонимия, контаминация, тавтология, лексические повторы, ритмизация. Под контаминацией исследователь подразумевает слияние разнородных факторов в новую совокупность, иначе говоря, лингвистическое возникновение нового слова или выражения в результате смешения частей двух слов или выражений.^[15] Перечисленные выше приёмы речевого воздействия в свою очередь отсылают к базовым принципам воздействия, таким как опора на личностную активность и провоцирование отклика адресата, эмоциональность и эмпатичность коммуникации, изменение стереотипов и установок восприятия, осознания, интерпретации информации адресатом, прагматичность коммуникации.^[26]

Отметим, что речевое воздействие в процессе коммуникации действует на эмоциональную сферу читателя, побуждает внимание и интерес к сообщению, готовность многократно обращаться к нему; активизирует восприятие информации читателем в силу того, что она становится актуальной для слушателя; способствует развитию и становлению личности читателя, так как влияет на все личностные структуры. Остановимся на последнем подробнее. По Ю. Н. Караулову, языковая личность складывается из вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационного уровней [17]. Личностная адресация необходимой слушателю информации развивает мотивацию: чем более слушатель осознает, что информация необходима для него, тем более он заинтересован в ней. Содержательная и познавательная информация, что очевидно, стимулирует процесс восприятия ее личностью. При этом восприятии сообщение происходит в процессе диалога читателя с самим собой, что стимулирует творческий потенциал личности, так как эффективное восприятие знания сопряжено с развитием внутренней речи, создание высказываний, текстопорождающей деятельностью. Это, в свою очередь, изменяет тезаурус личности. В исследованиях В. Б. Кашкина рассматривается понятие коммуникативной личности, под которой он понимает «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессе коммуникации...». Определяющими параметрами для коммуникативной личности являются мотивационный, когнитивный, функциональный. В процессе внедрения речевого воздействия в коммуникацию изменяется

мотивация читателя, интенсифицируется процесс познания, развивается творческая активность личности в коммуникации. Обобщая высказанное, можно сказать, что речевое воздействие, делающее информацию значимой, актуальной, служит развитием мотива создания творческих высказываний, что, в свою очередь, способствует развитию коммуникативной личности.

Таким образом в процессе восприятия произведения можно определить основные функции речевого воздействия как коммуникативного процесса.

1. Эмотивно-мотивационная функция (воздействие на эмоциональное восприятие произведения читателем). Речевое воздействие обеспечивает эмоциональное восприятие информации читателем, создает мотивацию к активному усвоению информации.

2. Апеллятивная (или конативная) функция (направленность на улучшение восприятия информации). Речевое воздействие является средством, позволяющим сделать информацию лично значимой для читателя.

3. Информационно-активирующая функция. Речевое воздействие интенсифицирует процесс включения читателя в восприятие текста, активизирует его внимание, развивает мотив получения новой информации и создания высказываний.

4. Экспрессивно-эмоциональная функция. Речевое воздействие обеспечивает эмоциональность формы подачи информации, реализуясь в специальных средствах и приемах.

Проанализировав труды таких ученых, как Б.Ф. Поршнев [1979], П.Б. Паршин [Паршин 2000], И.А. Стернин [Стернин 2001], А.Р. Лурия [Лурия 1998] и А.П. Журавлев [Журавлев 1974], можно представить следующий комплекс речевого воздействия: фонетический, лексико-семантический, морфологический и синтаксический. Рассмотрим подробнее содержание данных уровней.

На фонетическом уровне главным фактором влияния на читателя является фонетическая наполненность того или иного текста. Фонетическая наполненность текста образуется посредством ассоциативной составляющей звуков и передающих их букв. Как считает А.П. Журавлев, «носителем фонетического значения является звуко-буквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы». Тексты, нацеленные на воздействие, всегда будут содержать слова с большой концентрацией одинаковых звуков, направленных на создание того или иного коммуникативно-прагматического эффекта. Характерно, что даже при прочтении текста про себя происходит скрытая вербализация, сопровождающая процесс мышления, и человеческое сознание испытывает влияние фонетического наполнения текста.

На лексико-семантическом уровне главным средством выступают лексические единицы. В силу разнообразия лексической семантики выбор слов оказывается универсальным инструментом, с помощью которого

осуществляются самые разные виды воздействия. Несмотря на то, что воздействующим потенциалом в зависимости от контекста и интенции автора может обладать любая лексическая единица, особое значение в аспекте значения имеют многочисленные образные лексические средства и стилистические фигуры. К ним относятся идиомы, фразеологические единицы, метафоры, сравнения, ирония, гиперболы, лексические повторы и другие тропы.

Под синтаксическим уровнем понимается связь между грамматическим составом воздействующей речи и установкой автора и читателя. Речевоздействующими приемами являются вневременные факторы, чередования каналов восприятия, дипластия. Дипластия – это свойство сознания; оно проявляется в попытке «осмыслить бессмысленное», человеческое сознание стремится разгадать загадку. Языковые явления, в основе которых лежит амбивалентность, парадоксальность, трансформация смысла (метафора, оксюморон, катархеза), являются воздействующими средствами.

Безусловно, основополагающими для исследования являются труды И.Ю. Черепановой. К речевым средствам воздействия автор относит перечисление, антиномию, метафоризацию, каламбур, расширение границ слова, тавтологические высказывания, парадоксы. Объемными средствами речевого воздействия являются: ритмизация, выраженная в повторяемости, недоговоренность, прецедентность, смешение стилей, обуславливающее смену каналов восприятия, апеллятивность, диалогичность. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Особым средством речевого воздействия является ритмизация. О ритмизации как первейшем, основанном на нейрофизиологических механизмах восприятия речевоздействующем явлении говорил Ю.В. Кнорозов, (напрямую соединив речевое воздействие и ритмизацию), Р. Потапова отождествляет ритмизацию с повторяемостью и чередованием речевых явлений, она связана со смыслом текстовой информации и проявляется на стадии перехода от интенционального уровня к вербализации. Ритм, по ее мнению, связан и с планом содержания, и с планом выражения. Важными в области ритмизации являются исследования В.В. Налимова. Он, в частности, отмечает, что повторы, паузы, смещения ударений могут характеризовать идеостиль. Ритм является составляющей языка, посредством которой бессознательное (интенционально заложенное) осознается. Ритмизация выражается на уровне языковых единиц – звуков, звукосочетаний; представлена в аллитерации и в ассонансе; имеет морфолого-грамматическое выражение, лексико-семантические особенности. Синонимы, антонимы, анафора, эпифора также служат ритмизации. В. Налимов определил функцию ритма как «попытку положить континуальную составляющую на дискретные носители речи».

Это подтверждают исследования В.М. Соковнина. Ритм и повторяемость резонируют в человеческое подсознание. В речевом плане

синонимия, ряды однородных членов связаны с реализацией функции ритмизации, формирующей стойкое желание еще и еще раз обратиться к информации.

Вопрос о ритмически организованных конструкциях в рамках исследуемых явлений требует пояснения. Под ритмом понимается закономерное чередование или повторение каких-либо элементов и основанная на нем соразмерность; это свойство динамической речи. Именно ритм создает особую энергетику текста, влияющую на слушателя. Ритмическая организация текста рассматривается как воздействующий прием В.Е. Рожновым, В.В. Налимовым, С.В. Болтаевой (в последней работе исследуется уровень фонетики и лексики) Ритмизация не просто привлекает, она влияет на смысловосприятие; при этом, как известно, большая повторяемость приводит к еще большему «затуманиванию» смысла. Об этом образно писал М.М. Бахтин: «В ритме я, как в наркозе, не осознаю себя. Ритмом я могу быть только одержим». К ритмически организованным в рамках высказывания словосочетаниям можно отнести прием звуко сочетаний, аллитерацию, ассонанс, повторение (фонетические, лексические), параллельные синтаксические конструкции, анафоры, эпифоры, что позволяет причислить ритмизацию к полноценным речевоздействующим приемам и явлениям. В.М. Соковнин определил такие средства речевого воздействия как метафоризация, цитация, использование парадокса, притчи, комплимента, юмора.

Особо стоит остановиться на таком явлении, как прецедентные тексты, персонажи и другие культурно-ментальные феномены. Они представляют собой стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре. О значимости прецедентных явлений в коммуникации говорит М.С. Рыжков. Эти средства включаются в речевое воздействие и имеют соответственно прагматический характер. Экспрессивность, образность, наглядность, эмоциональная выразительность – все это оптимизирует восприятие информации. На языковом уровне есть множество способов сделать информацию особо привлекательной: на фонологическом уровне – особый способ артикуляции, когда звучат согласные, выделение слов – на уровне лексики, повторы, на синтаксическом уровне – инферсия, анафора, эпифора, парцелляция.

А.Е. Войскунский, проводя многочисленные эксперименты, доказал, что некоторые риторические приемы – ссылки на авторитет, риторические восклицания, ввод новых персоналий, разрушение стереотипов сознания слушателя – привлекают внимание к говорящему, вызывают особую реакцию слушателя, которая от пассивной становится активно заинтересованной. Реакция слушателя имеет принципиальное значение, ибо является резонансом на применение речевоздействующих средств. Последние имеют свойство преодолеть нежелание читателя принимать информацию в и определенном смысле «стирают» неподготовленность слушателя к усвоению

информации. В конечном счете, речевое воздействие служит установлению коммуникативного контакта и интенсификации восприятия текста читателем.

Термин «прецедентность» и образованные от него производные широко применяются в современной лингвистической литературе. Согласно определению, предложенному в «Словаре русского языка», прецедент (от англ. precedent – предыдущий, предшествующий) представляет собой «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода». Впервые в отношении текстов термин «прецедент» («прецедентный текст») был использован Ю. Н. Карауловым, который определял данные феномены как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». По мнению Ю. Н. Караулова, прецедентные тексты являются «хрестоматийными», так как любой говорящий на данном языке знает их содержание. Знание прецедентных текстов указывает на включенность индивида в сферу действия современной культуры, незнание, в свою очередь, является сигналом положения индивида вне данной исторической эпохи и ее культуры или недостаточной вовлеченности в нее. В дальнейшем произошло уточнение и развитие терминологии. К прецедентным феноменам относят стихотворные и прозаические цитаты из литературных произведений, названия художественных и музыкальных произведений, фразы из кинофильмов и песен, лозунги и слоганы рекламы, анекдоты и библейские выражения, имена литературных героев, исторических личностей, политических деятелей и т.д. Состав прецедентных феноменов может изменяться: одни прецедентные тексты или имена выходят из широкого употребления, забываются и перестают быть прецедентными, другие тексты, наоборот, становятся прецедентными на более или менее длительный срок. Истолкователь идеи М. М. Бахтина и ученица Р. Барта – Юлия Кристева является основоположником теории интертекстуальности, гено- и фено-текста, создателем концепции, согласно которой, любой текст становится интертекстом. Причем интертекстуальность, на ее взгляд, распространяется не только на литературные тексты, но и на все остальные системы знаков. Вышеизложенную идею М. М. Бахтина, Ю. Кристева сводит к тому, что: «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста». Иными словами, литературный текст всегда включен в иные тексты. Каждый автор, создавая литературное произведение, находится в окружении литературных текстов, в которых отражена жизнь общества и опыт предыдущих авторов. Таким образом, в написанном произведении всегда отражены все тексты, находящиеся в сфере чтения данного писателя. Впоследствии, Ролан Барт дал определение интертексту и интертекстуальности, которое сейчас принято

считать каноническим: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». Как текст рассматривается не только литература, но и общество, история, культура и сам человек. Это приводит к восприятию человеческой культуры как «интертекста», который, в свою очередь, служит претекстом любого вновь появляющегося текста. При понимании литературного слова читатель соотносит его со своим тезаурусом, то есть с накопленными им знаниями и лексическим словарем. В связи с этим, интертекстуальность предполагает читателя активного, который должен не только распознать наличие интертекстуальных отсылок в произведении, но и идентифицировав их, дать им истолкование. Чтобы текст не остался непонятным или понятым поверхностно, читатель должен быть высоко эрудированным и уметь найти необходимую закодированную писателем информацию. Как уже упоминалось ранее, прецедентные тексты не имеют строгих формальных параметров, иными словами, прецедентный текст может вводиться в художественное произведение как целиком, так и в сжатом виде. Прецедентный текст может быть представлен одним словом, цитатой, целым отрывком или ситуацией. При помощи заглавия, имени персонажа, имени автора или цитаты, автор старается вызвать ассоциацию со всем прецедентным текстом, который использует как источник сходных эмоциональных переживаний и ситуаций, как образец подражания, или антиобразец. Указанные четыре способа ввода прецедентных текстов играют роль символов-ярлыков, намеков, а сами тексты при этом могут выполнять следующие функции: от номинативной, с помощью которой развивается мысль или аргументация героя до повторения и метафоризации основного конфликта прецедентного текста. К прецедентным текстам относятся тексты художественных произведений. К прецедентным текстам зачастую относятся публицистические тексты, реклама, пословицы, поговорки, тексты песен. Со временем многие тексты теряют статус прецедентных текстов, так как проходят времена, меняются поколения читателей и интересы членов лингвокультурного сообщества. Появляется множество новых прецедентных текстов, основанных на произошедших в обществе изменениях, на новых исторических и культурных событиях. Тексты и ситуации, которые являлись прецедентными, более не являются таковыми, так как утратили свою актуальность. Таким образом, прецедентные тексты вводятся в литературу при помощи высказываний, цитат, имен, названий произведений.

Включение прецедентных феноменов в литературное произведение осуществляется и с целью побуждения читателя к прочтению, то есть пробуждения в читателе интереса к данному литературному произведению. При помощи прецедентного текста автор также может стремиться подчеркнуть ту или иную информацию, обратить внимание читателей на определенную идею, сюжет, черту характера персонажа, элементы его

внешности. С их помощью можно продемонстрировать образованность героя произведения, его моральные ценности. Именно прецедентность и недоговоренность с точки зрения речевого воздействия диктуют многоплановость, семантическую избыточность, разные подходы к интерпретации содержания текста, заставляют обратиться к знаниям, жизненному опыту читателя. В этом случае ведущим оказывается не эксплицитно выраженный в высказывании смысл, а имплицитно заложенная информация.

Многие исследователи также обращаются к апеллятивной функции языка, рассматривая ее как частную языковую функцию, в которой проявляются базовые функции языка – коммуникативная и когнитивная. Так, например, Ю. М. Маслов определяет апеллятивную функцию следующим образом: «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям» К. Бюлер указывает на наличие тройственной функции языка: экспрессии, апелляции, репрезентации, которые представляют собой различные назначения речевых высказываний: репрезентативная – сообщение, экспрессивная – выражение эмоций, апеллятивная – побуждение к действию. Р. О. Якобсон пишет о том, что (конативная) апеллятивная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаясь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. Грамматически это часто выражается повелительным наклонением глаголов, а также звательным падежом. К.Бринкер, в свою очередь, отмечает, что апеллятивная функция выполняется не только императивом глагола, но и формами обращения; она основана на том, что «получатель» доступен отправителю в качестве адресата, и это вызывает необходимость в учете отправителем фоновых знаний своего адресата. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на реализацию с ее помощью воздействия адресанта на адресата с целью побуждения его к совершению действия: речевого или коммуникативного. Важно отметить, что апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей). Фатическая функция сливается с апеллятивной. Фатическая функция, будучи для собеседника призывом к установлению (поддержанию, прерыванию) коммуникации, т.е. призывом к неречевому действию, актуализирует одновременно и апеллятивную функцию. Стилистико-композиционный аспект текста также обладает определенным речевоздействующим потенциалом. Каждый стиль соотносится с тем или иным кодом, обеспечивающим смысловую приемлемость информации для читателя, (т.е. объекта РВ).

В ходе исследования и анализа материала мы применили следующую методику: дается характеристика определенного средства речевого воздействия, определяется понятие. Понятие иллюстрируется примерами высказываний из романа. Таким образом определение средств речевого воздействия предложено во второй практической главе.

Итак, на уровне образных средств значимыми являются следующие средства и приёмы речевого воздействия: метафоризация, оксюморон, парадокс, недосказанность, эвфемизм, каламбур, аллюзии, языковая игра, ирония, реминисценции, прецедентные тексты и явления, цитация и афористичность. Следует пояснить, что под реминисценцией мы подразумеваем бессознательный отзвук в художественном произведении из родственного ему (по теме, стилю) чужого произведения.^[35] Образные средства отличаются личностным характером, обращённостью к потребностям и интересам адресата, диалогичностью и гибкостью коммуникации, эмоциональностью и прагматичностью. Следует отметить, что под диалогичностью мы понимаем свойство текста, основанное на том, что за каждым текстом стоят языковые личности автора и адресата. Процесс интерпретации текста сводится к «отражению отражения», таким образом, будучи включенным в продолжающийся диалог, текст обречен на множественность толкований. Вступая в диалог с текстом, интерпретатор приобщается к информативно-смысловому и прагматическому уровням текста, формируя ответную реакцию.^[13] Синтаксический уровень представлен следующими средствами воздействия: риторические вопросы и восклицания, вопросно-ответный комплекс, использование рядов однородных членов предложения, синтаксический параллелизм; анафора и эпифора, незавершённость высказываний, повелительные и императивные конструкции. Они так же, как образные и лексико-семантические средства и приёмы воздействия, связаны с базовыми принципами воздействия, в том числе обращение к индивидуальным потребностям и интересам адресата, диалогичность, гибкость и пластичность коммуникации, опора на личностную активность и провоцирование отклика адресата, прагматичность коммуникации, эмоциональность и эмпатичность коммуникации.

В ходе анализа материалов мы не обнаружили некоторых, в том числе фонетических средств и приёмов воздействия, значимых для нашего исследования.

Отметим, что средства и приёмы речевого воздействия могут быть как вербальными, то есть словесными, так и невербальными, то есть бессловесными.

В романе автор подробно описывает невербальное поведение героев, что дает возможность читателю сделать выводы о средствах и приемах речевого воздействия в полном объеме.

1.3. Типы и формы речевого воздействия

По мнению И.А. Стернина, существует две формы речевого воздействия – вербальное и невербальное.

Вербальное речевое воздействие – это коммуникативное воздействие, осуществляемое средствами языка, при помощи языковых единиц. Это воздействие словами, текстом.

Релевантны для вербального речевого воздействия выбор языковых средств для выражения мысли, само содержание речи – ее смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование приемов речевого воздействия и др.

В результате вербального воздействия возникает также подтекст – скрытый смысл сообщения, косвенно передаваемый текстом.

Невербальное речевое воздействие – это воздействие, осуществляемое сопровождающими речь несловесными сигналами. Невербальное воздействие может быть не только речевым – оно может быть чисто зрительным, физическим и др. Нас, однако, интересуют невербальные факторы, сопровождающие речь и дополняющие, обогащающие, корректирующие ее, несущие информацию в процессе общения. Все эти факторы дополняют и сопровождают речь и рассматриваются нами исключительно в их соотношении с речью, что и позволяет нам использовать термин невербальное речевое воздействие.

Невербальные сигналы выполняют следующие функции: передают информацию собеседнику (намеренную и ненамеренную), воздействуют на собеседника (сознательно и бессознательно), воздействуют на говорящего (самовоздействие), сознательно и бессознательно.

При описании невербального коммуникативного поведения мы имеем дело с многочисленными невербальными сигналами – данный термин предлагается оставить в качестве родового для всех значимых в смысловом отношении невербальных проявлений, участвующих в процессе человеческого общения. Невербальные сигналы – материальные, чувственно

воспринимаемые действия общающихся, включая действия с предметами, несущие для собеседников и окружающих определенный, закрепленный данной культурой смысл.

Среди невербальных сигналов И.А. Стернин различает симптомы, символы и знаки (собственно невербальные сигналы).

Симптомами И.А. Стернин называет невербальные явления (движения, действия), проявляющиеся в деятельности человека бессознательно и отражающие психическое или физическое состояние участника общения. Симптомы культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симптом страха, радости, удовольствия, задумчивости и т.д.).

Символы, по мнению И.А. Стернина, представляют собой проявление так называемого социального символизма – символического значения, приписываемого социумом определенным предметам, действиям.

Социальные символы, говорит Стернин, непосредственно не участвуют в коммуникации, но они несут коммуникативно релевантную информацию, включаясь тем самым опосредованно в процесс обмена информацией между людьми. Примеры невербальных символов: иномарка, норковая шуба, собственная вилла – зажиточность, короткая стрижка – символ «крутизны», длинные волосы – артистическая профессия и т.д. Социальные невербальные символы имеют ярко выраженную национальную специфику.

И.А. Стернин определяет собственно невербальные сигналы – знаки – преимущественно сознательно продуцируемые невербальные действия, имеющие в данной культуре определенный знаковый смысл, относительно стандартное значение.

Невербальные знаки включают в себя знаки языка телодвижений (взгляд, мимика, поза, стойка, движение, походка, осанка, посадка, физический контакт, манипуляции с предметами), знаки организации пространства общения (проксемические знаки) и знаки молчания.

Многие невербальные явления могут иметь как знаковую, так и симптоматическую функции, а также могут играть и определенную символическую роль в общении, поэтому четко разграничить невербальные сигналы далеко не всегда удается. Однако, как правило, тот или иной сигнал имеет основную функцию, и по этой функции его можно классифицировать. Если невербальный сигнал чаще продуцируется сознательно, он относится к знакам (собственно сигналам), если чаще бессознательно – к симптомам. Тем не менее, в ряде случаев разграничение оказывается условным.

Среди невербальных знаков самую большую группу составляют жесты – значимые движения тела, которые подразделяются на разряды.

Первый разряд – номинативные жесты, функция которых заключается в замене или дополнении вербальных средств, дополнять или дублировать их. Они используются автономно или вместе с вербальными средствами. К номинативным относится и большой разряд изобразительных жестов – их особенность в том, что они передают чувственный образ предмета, действия. Часто изобразительный образ лежит в основе соответствующего фразеологизма или описательного оборота.

Далее следуют эмоционально- оценочные жесты, которые выражают оценку чего-либо в ходе общения собеседника, его действий, слов, окружающих предметов, событий и третьих лиц.

Указательные жесты - выделяют предмет, ориентируют собеседника в пространстве. Риторические жесты – жесты, которые имеют усилительный характер, усиливают выражаемое содержание, акцентируют или усиливают отдельные части высказывания, текста в целом. Риторические жесты могут подчеркивать ритмический рисунок высказывания, подчеркивать коммуникативно значимое членение речи.

И.А. Стернин также отмечает игровые жесты (шуточные, используемые для игры, развлечения), вспомогательные жесты (используемые преимущественно в качестве физической помощи себе или

собеседнику в конкретной ситуации), и магические жесты (используемые в суеверных, магических целях).

Кроме того, И.А. Стернин говорит о том, что релевантным оказывается также описание невербальных сигналов уважения и неуважения.

Выводы по главе:

В первой главе мы обращаемся к теории речевого воздействия и рассматриваем понятие «речевое воздействие» в истории языкознания.

Обращаясь к термину «речевое воздействие», мы опираемся на определение И.А. Стернина, который понимает речевое воздействие как воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели. В работе мы используем определение, данное И.А. Стерниным, так как считаем, что оно наиболее полно описывает сущность лингвистического термина.

В этой главе мы рассматриваем языковые средства и приёмы речевого воздействия. Обращаясь к определению понятия «средства и приёмы речевого воздействия», мы обращаемся к работе Е.В. Шелестюк. Она считает, что средства и приёмы речевого воздействия – это специфические психологические, речевые и семиотические действия со стороны воздействующего субъекта, единичные либо совокупные, направленные на достижение его целей.

Здесь же мы рассматриваем типы и формы речевого воздействия. Мы выяснили, что существует две формы речевого воздействия – вербальное и невербальное. В определении значений этих терминов мы используем понятия, данные И.А. Стерниным.

Под вербальным речевым воздействием мы понимаем коммуникативное воздействие, осуществляемое средствами языка, при помощи языковых единиц. Это воздействие словами, текстом.

Под невербальным речевым воздействием мы понимаем воздействие, осуществляемое сопровождающими речь несловесными сигналами.

Таким образом, в первой теоретической главе мы раскрыли сущность ведущих для нашей работы теоретических понятий, определили формы и типы речевого воздействия и рассмотрели классификацию средств и приёмов речевого воздействия на разных структурных языковых уровнях.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РОМАНЕ РОБЕРТА УОРРЕНА ПЕННА «ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ»

2.1. Языковые и художественные особенности романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать»

Роман Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» был переведен на русский язык в 1987 году русским переводчиком англо-американской литературы – В.П. Гольшевым. Интерес к переводу этого романа возник из-за яркого социального критического начала американской властной системы.

Работы Виктора Гольшева высоко оцениваются критикой. Его причисляют к «золотой когорте» переводчиков, к которой принадлежат Михаил Лозинский, Валентин Стенич, Рита Райт-Ковалёва, Нора Галь и Николай Любимов. Надежда Муравьёва в работе «Святое ремесло „золотой когорты“»^[50] отмечает, что наше представление об американской литературе сложилось во многом благодаря замечательным переводам этого мастера. Его переводы Джорджа Оруэлла, Трумана Капоте, Уильяма Фолкнера, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Чарльза Буковски считаются эталонными, хотя сам он считает, что эталонных переводов не бывает.

Коллеги-переводчики уважительно отзываются о Гольшеве. Александр Богдановский в интервью для «Русского Журнала» признает, что в переводах Гольшева не остаётся ни одного лишнего брёвнышка, никаких отходов, всё пошло в дело, всему нашлось место.^[50]

А. Зверев в работе по современной американской поэзии замечает, что Уоррен тяготеет к усложненному образному ряду, разветвленным метафорам, «сквозной» иронии, легко и органично соединяющей патетику и скепсис.^[14] И уорреновская проза этого не опровергает. В романе «Вся королевская рать» нами отмечено использование автором средств речевой выразительности: метафор, эпитетов, аллегории, гротеска, иронии, внутреннего парадокса, а также привлечение прецедентного текста. Однако, в отличие от поэзии, Уоррен пишет прозу как бы с оглядкой на широкого читателя: его романам свойственен детективный сюжет. Однако эти различия легко оправдывает жанр.

Рассмотрим фрагмент текста романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» в аспекте речевоздействующего анализа.

В тексте имеется ключевая фраза, поясняющая смысл некоторых сюжетных коллизий: «Адам Стентон, которого он мог назвать человеком идеи, и Вилли Старк, которого он мог назвать человеком факта, были обречены уничтожить друг друга ..., чтобы слиться в единое, ибо каждый

был не целен из-за страшной негармоничности их века». Это высказывание поясняет поведение и особенности судеб героев романа. В основе его — парадокс. Он пронизывает весь текст. На смысловом уровне противоречие представлено в лицах героев романа, в разнице их судеб, в противопоставлении жизни и смерти, противостоянии мелочного, человеческого и глобально-философского начала. На языковом уровне парадокс выражен антонимами: прямыми — жило - умерло, жили - умерли, контекстуальными — обречены уничтожить - слиться воедино. В глобальном смысле духовные поиски, смерть, трагическая гибель кажутся относительными, неизбежными и одновременно преодолимыми, если применять ракурс мудрых философских учений.

В романе множество высказываний, в основе которых лежит антитеза: «хороший человек совершил преступление, чтобы спасти его»; «добродетель человека может быть не чем иным, как слабостью его желаний, а его преступление не чем иным, как функцией добродетеля»; «верит ли он, что его сын? Не знаю, но это не кажется мне важным, ибо каждый из нас — сын миллиона отцов».

В тексте используется такое средство как ритмизация, выраженная в смысловых, лексических, синтаксических повторах. Повторяемость создает общую минорную, рефлексивную тональность текста: умер — умерло — умерли — умрет; обречены (языковая единица повторяется 4 раза); правда (языковая единица повторяется 3 раза); спасти — спасти; жить — живой — живу.

В тексте множество однородных членов предложения, которые в свою очередь делают текст ритмичным. «Пройтись по набережной, пройти по берегу залива, углубиться в сосновую рощу». «Обречены использовать друг друга, стремиться друг к другу».

На синтаксическом уровне доминируют простые предложения. Встречаются парцеллятивные конструкции. Например, «Но с божией помощью. С его помощью и мудростью его». «Поэтому я ездил в Мемфис». Это свидетельствует о том, что данный текст — итог внутренних размышлений лирического героя. Эту особенность формирует жанр исповеди. Текст отличается особой искренностью, эмпатичностью. В нем большое количество примеров из личной жизни, фактов биографии героев романа. Таким образом, следует отметить используемый прием экземплификации. О многих жестких событиях сообщается так, будто лирический герой их пережил в реальности, они стали мудрыми уроками жизни (смерть близких, взаимоотношения с отцом, политические страсти). В связи с многократной повторяемостью слова становятся ключевыми,

выражают глубинный смысл, являются концентрацией опыта. Эти слова требуют интерпретации, отличаются оттенками значений в контекстуальном окружении самого текста. Можно утверждать, что во фрагменте текста достаточно большое количество концептов: история, Бог, человек, сила, жизнь, время. На наш взгляд, в данном тексте присутствует аллегория: Джек Берден повествует о том, что он живет в доме отца со стариком, который был женат когда-то на его матери. Старик дряхл, он обречен на смерть, единственное, что он может — читать Библию и диктовать отрывки из трактата. Следовательно в уста старика, который в зрелости не был близок герою, вкладывается мудрость жизни. Отрывки из трактата, на наш взгляд, представляют собой интертекст, в основе которого лежит Библия: «Сотворение человека ... было грозным знаком всемогущества Божия». В тексте зафиксирована прецедентность.

Исследовательский анализ показал, что некоторые высказывания приобретают содержание и форму афоризмов: «... жизнь была мучительным усилием воли», «история слепа, а человек нет», «правда вернула мне прошлое».

В тексте имеется метафоризация: «испытать душой», «в этом недорогостоящем проявлении моего благородства», «гранитоголовый брат Гилберт».

В завершении текста лирический герой обрисовывает будущее, которое сулит отъезд из города и последующее возвращение, «но это будет не скоро, а пока мы уйдем из дома в кипящий мир, из истории в историю, чтобы снова держать ответ перед Временем». Данное высказывание аллегорично, т.к. в нем обрисована, скорее, неясность будущего. Слово «дом» становится символом мира, в котором «мы живем с рождения до смерти».

Таким образом, в эпилоге романа используются следующие средства воздействия: парадокс, метафоризация, ритмизация, опора на концепты, аллегоричность.

Рассмотрим фрагмент фильма «Вся королевская рать» в аспекте речевоздействующего анализа.

Роман Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» имеет несколько экранизаций. В 1949 году американский режиссер Роберт Россен снял драму по одноимённому роману Роберта Уоррена. Этот фильм получил три премии «Оскар» и в 2001 году был признан конгрессом США «культурно значимым». В 1958 году вышла телеверсия романа «Вся королевская рать» снятая выдающимся голливудским режиссером Сидни Люметом. В 1971 году роман экранизирован в СССР. На киностудии «Беларусьфильм» снят трёхсерийный телевизионный фильм «Вся королевская рать». Режиссеры

Александр Гуткович и Наум Ардашников. Роль Вилли Старка исполнил актёр Георгий Жжёнов. Однако интерес к экранизации романа не стихает и сегодня. В 2006 году в Германии американским режиссером Стивеном Заилляном снят ремейк фильма «Вся королевская рать» 1949 года. В работе мы обратились к фрагменту из этого фильма. В картине, снятой по мотивам одноимённого романа Роберта Пенна Уоррена, беспощадно, мрачно и реалистично показаны взлёт и падение политического деятеля. Главный герой повествования журналист Джек Берден поддается обаянию политика-популиста Вилли Старка, который становится для него настоящим кумиром. Однако, по мере общения со Старком, Берден осознает, насколько тот далёк от идеала. Искренне желавший искоренить коррупцию в правительстве, Старк, получив полномочия, сам становится таким же, как и те, с кем раньше собирался бороться. Жажда власти стала его единственной страстью, и этому идолу он готов принести любые жертвы.

В кинематографическом варианте реализуются специфические приемы вербального и невербального речевого воздействия. В этом эпизоде главный герой выступает перед жителями штата, с целью баллотироваться в губернаторы.

На наш взгляд, в данном эпизоде присутствуют следующие принципы и средства речевого воздействия: апеллятивность: «посмотрите на ваши штаны, на ваш урожай, на ваших детей», «мне есть, что сказать», «вам известна эта история, вы все ее слышали». Речь героя обладает функцией побуждения реального адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия. Речь героя заставляет жителей слушать оратора, реагировать на его слова, провоцирует отклик адресата.

Речь изобилует средствами речевой выразительности, наполнена множеством риторических вопросов и восклицаний: «Что он мог бы для них сделать?», «Знаете, кто были эти люди?» «Оставьте свинью валяться в грязи!». Текст метафоричен: «винтик в городском механизме», «свинья в грязи», «Иуда Искариот». В своих высказываниях оратор обращается к эпизодам жизни народа, к образам и героям Священного писания, эти эпизоды и образы хорошо известны широкому окружению. Следовательно, речь героя прецедентна и экземплифицирована.

Герой с самого начала отказывается от чтения с листа, его речь искренна и эмпатична. Также нами отмечена энергетичность и эмоциональность речи оратора. Он рассказывает публике «историю о деревенском простаче», «о таком же как вы».

Ритмизация речи героя достигается с помощью повторов: «у меня была речь», «была у меня речь, а теперь ее нет», «раз речь у него, я должен

говорить о чем-то ещё», «история о деревенском простаке», «этот простак начал думать о других простаках», «чиновники из города сказали простаку...», «они хотят, чтобы ничтожный простак –благодетель вступил в борьбу», «лизоблюды, решившие поделить голоса простака», «да, простаки, ваши голоса», «не я один, вы тоже простаки». Важно отметить концептуальность, которой в контексте речи обрастает слово «простак». Это и сам герой, и жители штата, и любые другие люди, которых так же «надули».

Наряду с вышеназванными принципами и средствами речевого воздействия, нами отмечена такая особенность речи героя, как смена лексики изложения. Используя слова официально-деловой и разговорной лексики, герой также обращается к словам низкого стиля: «лизоблюды», «надули».

Живая свободная речь героя, его знание жизни народа, призывность речи способствуют отклику адресата. В начале выступления оратора жители штата заняты своими делами: мужчины пьют пиво, гуляют со своими семьями, разговаривают с приятелями, дети резвятся. Но история о деревенском простаке заставляет их отвлечься от своих дел, обратить внимание на оратора. В этом эпизоде наглядно демонстрируется результат речевого воздействия. Это повышенное внимание слушателей, активная реакция на призыв. Теперь жители штата не просто слушатели оратора, они его единомышленники, их объединяет общая идея.

Таким образом, нами проанализированы специфические приемы вербального и невербального речевого воздействия, которые направлены на провоцирование ответной реакции, эмоционального отклика адресата.

2.2. Вербальные средства речевого воздействия как характеристика главного героя

Анализ речи героя романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» позволил нам выявить средства речевого воздействия, которые использует автор для создания образа гениального оратора 1930-х годов.

Речь героя содержит как вербальные, так и невербальные средства воздействия. Эти два вида тесно переплетены и дополняют друг друга.

Под вербальными средствами воздействия мы будем понимать словесное взаимодействие сторон, которое осуществляется с помощью знаковых систем, главной среди которых является язык.

Автор достигает своей цели, используя на вербальном уровне такие средства речевого воздействия, как:

Апеллятивность. Апеллятив (от лат. *appellātīvus* — нарицательный; лат. *appellāre* — обращаться с речью, называть) — лингвистический термин, часто выступающий синонимом термина имя нарицательное. Иногда под апеллятивом принимают языковое средство, выражающее апеллятивные функции, с помощью которых осуществляется обращение и привлечение внимания участников коммуникации.

Функционально-семантическая категория апеллятивности рассматривается в языке и речи с опорой на понятие апеллятивной категориальной ситуации, понимаемой как абстрактный инвариант реальных жизненных ситуаций, в которых адресат испытывает волеизъявление со стороны адресанта.^[19]

В работе апеллятивным текстом будем считать текст, характеризующийся четко определенной апеллятивной функцией, то есть функцией побуждения реального адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия.

Ритмизация (повтор, парцелляция). Под лексической повторяемостью мы понимаем намеренный полный или частичный повтор в обозримом участке текста одного и того же корня, основы, целого слова либо речевой конструкции для придания художественному тексту экспрессивности.

Под парцелляцией мы будем понимать такое явление экспрессивного синтаксиса, сущность которого заключается в расчленении структуры предложения на отдельные части, при котором они превращаются в самостоятельные предложения, имеющие особую расстановку знаков препинания.^[52]

Парадоксальность: использование противоречивых по смыслу высказываний и предложений.

Парадокс (от греч. *paradoxos* - противоречащий общепринятому, странный) — мнение, резко расходящееся с обычным, общепринятым, противоречащее (часто только с виду) здравому смыслу.^[44]

В.С. Библер в работе «К философской логике парадокса» рассматривает понятие "парадокс" как нечто, означающее бессмыслицу, логическое противоречие, рассуждение, доказывающее как истинность, так и ложность некоторого предложения (или что-то, как доказывающее это предложение, так и отрицающее его).^[8]

Данные словарные и научные статьи наглядно показывают, что сейчас понятие парадокса очень широко. Мы будем понимать парадокс в самом обобщенном и упрощенном смысле – как какое-либо утверждение, которое противоречит действительности, здравому смыслу или общепринятому мнению.

Метафоризация: использование средств речевой выразительности (метафоры, эпитеты, аллегория, намек, гротеск, ирония)

В словаре-справочнике лингвистических терминов Розенталя Д.Э. и Теленковой М.А. под метафорой подразумевается употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений.^[33]

Энциклопедия русского языка под редакцией Ю.Н. Караулова дает понятие метафоры как тропа или фигуры речи, состоящей в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора предполагает использование слова не по его прямому назначению, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры.^[17]

По толковому словарю под редакцией Д.Н. Ушакова: метафора – вид тропа, перенесение свойств или признаков одного предмета на другой по принципу сходства. Сходными могут быть цвет, форма, характер движения, любые индивидуальные свойства предметов. При метафорическом переносе меняется предмет, но само представление или понятие, ранее закрепленное за другим предметом, не меняется целиком. Какой либо признак первоначального представления или понятия обязательно остается.^[44]

На основании предложенных словарями определений, под метафорой мы будем понимать слово или оборот речи, употребленные автором в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства.

Аллегория – выражение отвлеченного, абстрактного содержания мысли (понятия, суждения) посредством конкретного образа. В аллегории конкретный образ получает абстрактное значение, обобщается, сквозь образ созерцается понятие или явление. В аллегории чаще всего используются отвлеченные понятия (добродетель, совесть, истина), типичные явления,

характеры, мифологические персонажи – носители определенного, закрепленного за ними аллегорического содержания (Минерва - богиня мудрости), аллегория может выступать и как целый ряд образов, связанных единым сюжетом. В то же время для нее характерно однозначное иносказание и прямая оценочность, закрепленная культурной традицией: смысл ее может быть истолкован достаточно прямолинейно в этических категориях "добра" и "зла".^[9]

Аллегория имеет тесную связь с метафорой, рассматривается часто как распространенная, развитая метафора или же как целый ряд образов, которые объединены в единое замкнутое целое.

В работе под аллегорией мы будем понимать выражение отвлеченного понятия или идеи в конкретном художественном образе.

Градация. Термин «градация» образован от латинского «gradatio» — постепенное усиление. В современной стилистике он употребляется в разных значениях.

Градация — один из наиболее употребительных в художественной речи, но недостаточно изученных приемов экспрессивного синтаксиса. В частности, нет единого понимания сущности этого приема, отсутствует полная общепризнанная классификация градационных рядов, не выявлены все функции градации в художественных текстах.^[40]

В узком смысле градация — разновидность синонимии, а именно: это такие синонимические ряды, члены которых отличаются оттенками значений и расположены в порядке нарастания или ослабления семантики.^[7]

В широком смысле (более приемлемом нам) — градация понимается как «стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления».^[33]

Понимая градацию в широком смысле, нужно иметь в виду, что в роли градонимов часто выступают неравнозначные языковые единицы, то есть не относящиеся к одной лексико-тематической группе.

В работе мы будем понимать градацию как расположение элементов высказывания (текста) в порядке их возрастающей или убывающей семантической и/или эмоциональной значимости.

Ирония. Используя понятие «ирония», мы будем опираться на словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой: ирония –троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления.^[3]

Прецедентность: включение текста из Библии –интертекст. Прецедентность в лингвистике - это процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества. Термин «прецедентный текст» был впервые введён в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г. Прецедентными называются тексты - «хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности».

Слышкин Г.Г. прецедентными считает культурно-ментальные феномены, представляющие собой стихийно или сознательно отобранные тексты (персонажи, сюжеты, явления, ситуации), которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре.^[35]

Под понятием «прецедентный текст» мы понимаем использование культурологических текстов, известных носителям данной культуры и языка.

Наряду с вышеперечисленными вербальными средствами речевого воздействия, нами также отмечены в тексте случаи недоговоренности или умолчания и смешение стиля изложения, а именно: использование героем лексики разных стилей.

Интенция речи героя Пенна направлена на изменение стереотипов и установок восприятия слушателя : *«Я не собираюсь говорить речь... Я не затем приехал, чтобы говорить речи.»*^[43] Парадокс неоднократно повторяется на протяжении всей речи героя. При этом повторяемость-один

из приемов речевого воздействия, которые использует оратор. Каждое слово в свободной и непринужденной беседе политика неслучайно. Автор намеренно вкрапляет в общую канву речи персонажа слова-сигналы, направленные на провоцирование отклика адресата. Это такие слова, как «папа, Священное писание, Преисподняя, Соломон, Господь, дом»- эти слова рисуют в сознании каждого слушателя конкретные, личные ассоциации, картины, и, уловив эти слова-сигналы, осуществляется интерпретация, активизируется внимание слушателя.

Помимо использования слов-сигналов, автор наделяет речь своего персонажа словами низкого стиля, просторечиями- «клянчить, списочек, клетушка, шайка, людишки, чирей, огузок»,- и просторечие сосуществует наряду со словами высокого, книжного стиля: «– *И приехал я не затем, чтобы чего-нибудь у вас **клянчить** – даже голосов на выборах. В Священном писании сказано: «У ненасытимости две дочери: «Давай, давай!» Вот три ненасытимых и четыре, которые не скажут: «Довольно!» – Теперь голос его стал другим. – Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говорит: «Довольно!» Но Соломон мог бы добавить сюда еще одну вещь. Он мог бы закончить свой **списочек** политиком, которому никогда не надоедает говорить «давай!»...Если у них в те времена были политики, то и они твердили: «Давай, давай!» – вроде нас, нынешних. Давай, давай, меня звать Незевай. Но сегодня я не политик. Я сегодня выходной. Я даже не стану просить, чтобы вы за меня голосовали. Говоря честно, как перед господом богом, мне это и ни к чему. Пока у меня еще есть **клетушка** в том большом доме с белыми колоннами на переднем крыльце, где подают на завтрак персиковое мороженое. Хотя нельзя сказать, чтобы я пришелся по нраву **тамошней шайке**... Знаете, – он подался вперед, словно желая поделиться секретом, – порою смех берет, до чего я не могу поладить с некоторыми **людишками**. Хоть из кожи лезь. Я был вежливый. Я говорил: «Пожалуйста». А пожалуйста – не лошадь, далеко на нем не уедешь. Однако похоже, что им придется потерпеть еще один срок. И вам придется. Так что терпите и улыбайтесь. Все равно как **чирей**. Верно? Он замолчал и оглядел толпу, медленно поворачивая голову и как будто задерживаясь взглядом то на одном лице, то на другом. Потом улыбнулся, моргнул и сказал:*

– Ну, чего еще? Языки проглотили?

– Как чирей на заднице, – крикнул кто-то в толпе.

– А ты, **чертова кукла**, – заорал в ответ Вилли, – **на пузе спи**. И поблагодари бога, – орал Вилли, – что он хоть тут не обошел тебя своей милостью и удосужился приделать переднюю часть к такому тощему **огузку**, как ты!»^[43] - смешение стилей способствует созданию образа политика из народа и одновременно является средством речевого воздействия, характеризующих противоречивый образ выступающего.

Из приведенных выше фрагментов выступления героя, можно отметить использование оратором приемов метафоризации и аллегории. Отрывок, где герой рассказывает притчу из Священного писания о ненасытимости, прецедентен, он отражает текст национальной культурной традиции в оценке и восприятии определенных исторических событий и лиц. Герой включает себя в притчу Священного писания, более того, использование приема градации, позволяет герою возвести себя на вершину приведенной им пирамиды ненасытимости.

Отметим случай метафоризации, когда герой называет знаменитый Белый Дом «домом с белыми колоннами на переднем крыльце, где подают на завтрак персиковое мороженое.»^[43] -это метафора с долей иронии. Оратор заостряет внимание слушателей не на серьезных политических вопросах, которые решаются в резиденции правительства, а на мелочах человеческого бытия –завтрак, но это не просто прием пищи, это изысканный десерт. Мы считаем, что прием метафоризация в тексте в таком виде –с использованием градации и долей иронии –провоцирует отклик адресата, способствует смене стереотипов. Эти цели реализует и весь лексико-семантический языковой строй речевой характеристики героя.

2.3. Невербальные средства речевого воздействия как характеристика главного героя

Обращаясь к анализу невербальных средств коммуникации, отраженных в тексте романа, необходимо определить значение термина. Под термином «невербальные средства воздействия» мы понимаем коммуникативно значимые неязыковые сигналы устной речи - движения лица и тела говорящего –так называемые соматизмы: его мимику, жестикуляцию, пластику, позу, а также положение в пространстве, тембр голоса и речевые паузы.

Впервые в лингвистический обиход термин «соматический» был введен в финно-угроведении Ф. Вакком, который, исследуя фразеологизмы эстонского языка с названиями частей человеческого тела, назвал их соматическими. Он сделал вывод о том, что они являются самыми древними пластами фразеологии и составляют наиболее употребляемую часть фразеологизмов эстонского языка.

Сегодня термины «соматизм», «соматический» имеют различные значения. Они активно используются в биологии и медицине в значении «связи с телом человека, телесности» и противопоставляется понятию «психический». В языкознании он начинает активно функционировать со второй половины XX века в исследованиях, отражающих в своей семантике все то, что относится к сфере телесности.

В широком смысле, соматизм, соматический (от греческого *soma* (*somatos*) –тело), –это средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности.

В более узком смысле (на который мы опираемся), соматизм –это любой значимый признак, положение или движение лица и всего тела человека [Верещагин/Костомаров], то есть термин, охватывающий все формы одного из невербальных языков –соматический язык включает жесты, мимику, позы, выражения лиц и разнообразные симптомы душевных движений и состояний.^[10]

Зачастую невербальные средства воздействуют на получателя информации сильнее, чем вербальные. Так происходит, потому что жесты, мимика, тембр голоса и иные невербальные средства отвечают за передачу личностно–эмоционального компонента речи. Как отмечает А. В. Анищенко, совокупность паралингвистической (качество, высота, тембр голоса, паузы, смех и т.д.) и кинетической (жесты, мимика, моторные реакции) знаковых систем, а также проксемики (организация пространства) и тактильного поведения выполняет функцию дополнения и замещения речи, репрезентации эмоционального состояния коммуникантов.^[1]

Как правило, в художественном тексте они используются автором для раскрытия внутреннего мира персонажа, его чувств, эмоций и мотивов. Но герой романа Роберта Пенна –оратор, и каждый его жест, поза обращены в толпу, они используются с целью воздействия на публику, следовательно, несут ещё дополнительную смысловую нагрузку. В работе мы фиксируем средства невербальной коммуникации, такие как мимика, жесты, поза, взгляд героя, особенности голоса, и определяем их функцию в тексте.

Одним из часто используемых приемов передачи невербальных средств коммуникации являются соматизмы, описывающие мимику и жесты героя. В исследуемом нами тексте автор дает подробную характеристику взгляда персонажа: *«он медленно обернулся к толпе. Он смотрел на нее, мигая своими большими глазами, словно только что вышел из темного вестибюля и старался привыкнуть к свету... глаза его выкатились и в них возник этот блеск...глаза его по-прежнему были расширены и блестели...»*^[43]. Стернин И.А. в исследовании «Введение в речевое воздействие» называет это средство невербальной коммуникации –фактором взгляда. Этот фактор в романе Пенна создает контакт оратора с публикой, создает ситуацию пассивного диалога.

Рассмотрим пример соматизма, описывающего жесты героя: *«Хозяин вытянул правую руку ладонью вниз и выждал, пока они перестанут*

свистеть и смеяться. Тогда он заговорил...»^[43] -этот жест демонстрирует возможность контроля ситуации оратором. Это доказывает и фактор размещения героя в пространстве (понятие которому также дает И.А. Стернин): *«Он шел прямо через улицу, прямо через газон и вверх по ступеням суда. Никто не поднялся за ним по лестнице. Наверху он медленно обернулся к толпе.»^[43]* Мы видим, что герой занимает позиции выше публики, он над толпой –такое расположение в пространстве помогает герою привлечь к себе внимание публики, позволяет управлять ею.

В совокупности эти средства невербальной коммуникации указывают на главенствующую роль оратора.

В целом, образ, который создает оратор, это образ политика из народа, это голос народа, представитель народных интересов, и особенности его речевой характеристики работают на создание этого образа.

Например, созданию образа политика из народа способствуют такие факторы невербального воздействия, как фактор физического поведения и фактор стиля общения персонажа.

Фактором физического поведения, по Стернину И.А., служит поза героя: *«Он стоял в ленивой позе, наклонив набок голову и мигая. Потом улыбнулся и сказал...»* -это открытая поза, она говорит о полном спокойствии оратора, его уверенности в себе. Вилли не оправдывается перед публикой, ничего от неё не просит и заявляет это открыто; он свой среди этой толпы и его раскрепощенность подтверждает искренний, дружеский стиль общения оратора: *«Знаете, – он подался вперед, словно желая поделиться секретом, – порою смех берет, до чего я не могу поладить с некоторыми людишками. Хоть из кожи лезь. Я был вежливый. Я говорил: «Пожалуйста». А пожалуйста – не лошадь, далеко на нем не уедешь.»^[43]*

Автор передает приём, позволяющий оратору на протяжении всего выступления удерживать внимание публики –этот приём мы обозначили понятием «голосовая игра». З.С. Смелкова в учебном пособии «Педагогическая риторика» под ред. Н.А. Ипполитовой говорит о качествах голоса, которые обеспечивают целенаправленное воздействие на эмоциональную сферу слушателя и адекватность понимания сообщаемого материала.

Обратим внимание на замечания автора по поводу смены голоса героя: *«Это были только слова, а голос звучал совсем по-другому; глухой, он выходил как будто через нос, с короткими передышками, какие вы слышите в речи наших деревенских: Папа – где же – твоя... Но он продолжал: «Словом, я не собираюсь говорить здесь речи» – своим обычным голосом, своим собственным. А может, и этот не был его настоящим голосом? Да и какой у него в самом деле голос, какой из его голосов настоящий?... Нет, – сказал он, – и это был уже другой голос, спокойный, мягкий, неторопливый, доносившийся как будто издалека.»^[43]* -автор трижды указывает на смену голоса героя и это не просто прием

художественного описания, это прием голосового воздействия, используемый оратором.

Итак, было отмечено, что созданию образа политика из народа способствуют разнообразные средства речевой характеристики. Намеренное снижение стиля изложения, опора на библейский текст, хвастовство изысканным завтраком в Белом Доме, использование простых синтаксических конструкций доказывают близость героя к народу, его простоту. Толпа доверяет этому оратору и, таким образом, речь героя оказывает обратный эффект: «— Нет, я не собираюсь у вас кланяться. Ни голосов, ни чего другого. За этим я, пожалуй, приеду в другой раз. Если мне не разонравится большой дом и персиковое мороженое на завтрак. Да я и не надеюсь, что вы все, как один, побежите за меня голосовать. Господи, если бы все вы стали голосовать за Вилли, о чем бы вам было спорить? Не о чем, кроме как о погоде, а за погоду не проголосуешь.

Нет, – сказал он, – и это был уже другой голос, спокойный, мягкий, неторопливый, доносившийся как будто издалека. – Сегодня я ничего у вас не прошу. Сегодня у меня выходной день, и я приехал к себе домой. Человек уходит из дома, что-то гонит его прочь. По ночам он лежит на чужих кроватях, и чужой ветер шумит над ним в деревьях. Он бродит по чужим улицам, и перед глазами его проходят лица, но он не знает имен для этих лиц. Голоса, которые он слышит, – не те голоса, что звучат в его ушах с тех пор, как он ушел из дома. Это громкие голоса. Такие громкие, что заглушают голоса его родины. Но вот наступает минута тишины, и он снова слышит прежние голоса, те голоса, которые он унес с собой, уходя из дома. И он уже разбирает, что они говорят. Они говорят: «Возвращайся». Они говорят: «Возвращайся, мальчик». И он возвращается.»^[43] - в этом высказывании, завершающих выступление оратора, десять раз употребляются слова с корнем –голос–.

Таким образом, отрицая, герой словно утверждает; слушатель получает некую установку: «голосовать за Вилли» -внедрение этой установки и есть истинная цель выступления оратора.

Выводы по главе:

Во второй главе мы обращаемся к языковым и художественным особенностям романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» и рассматриваем фрагмент текста романа в аспекте речевоздействующего анализа. На этом этапе нами выявлено, что ведущим приемом построения текста романа является парадокс. Он пронизывает весь текст. На смысловом уровне противоречие выражено противопоставлением героя и рассказчика, в разнице их судеб, в противостоянии личного, человеческого и глобально-философского начала. На языковом уровне парадокс выражен прямыми и контекстуальными антонимами. Также важную роль автор отводит приему антитезы, на основе которого в тексте романа построено множество высказываний. Помимо этого, нами выявлено, что наряду с ведущими приемами построения текста, в романе используется такое средство как

ритмизация, выраженная в смысловых, лексических, синтаксических повторах. Также мы пришли к выводу, что повторяемость создает общую минорную, рефлексивную тональность текста. Мы определили, что на синтаксическом уровне доминируют простые предложения, встречаются парцеллятивные конструкции. Это свидетельствует о том, что данный текст — итог внутренних размышлений лирического героя. Эту особенность формирует жанр исповеди. Также мы определили, что некоторые высказывания приобретают содержание и форму афоризмов. Помимо всего названного, нами отмечена прецедентность и метафоричность текста романа.

Таким образом, исследовательский анализ показал, что в эпилоге романа используются такие средства воздействия, как парадокс, метафоризация, ритмизация, опора на концепты, аллегоричность.

Нами выявлено, что речь героя романа содержит как вербальные, так и невербальные средства воздействия. В этой главе мы обращаемся к анализу вербальных и невербальных средств речевого воздействия как к способу характеристики главного героя.

Под вербальными средствами воздействия мы понимаем словесное взаимодействие сторон, которое осуществляется с помощью знаковых систем, главной среди которых является язык.

На вербальном уровне автор достигает своей цели, используя такие средства речевого воздействия, как аппелятивность, ритмизация, парадоксальность, использование средств речевой выразительности (метафоры, эпитеты, аллегория, намек, гротеск, ирония), прецедентность, недоговоренность (выраженная приемом умолчания) и смешение стиля изложения.

Под термином «невербальные средства воздействия» мы понимаем коммуникативно значимые неязыковые сигналы устной речи. Невербальное поведение автор фиксирует в описании движения лица и тела героя романа. Невербальные средства воздействия в тексте выражены многочисленными соматизмами: описанием мимики главного героя, его жестикуляции, пластики, позы, а также положения в пространстве, тембра голоса и речевых пауз.

Таким образом, обращаясь к анализу вербальных и невербальных средств речевого воздействия как к способу характеристики главного героя, мы пришли к выводу, что в художественном тексте эти средства используются автором для раскрытия внутреннего мира персонажа, его чувств, эмоций и мотивов. Но герой романа «Вся королевская рать» — оратор, и каждый его жест, поза обращены в толпу. Они используются с целью воздействия на публику, следовательно, несут ещё дополнительную смысловую нагрузку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность обращения к названной теме связана с установкой общей лингвистики на идею антропоцентризма, с направленностью лингвистики на человека и его психологию.

Целью нашей работы было исследовать и проанализировать средства речевого воздействия в романе Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать». Для достижения поставленной цели нами была проанализирована литература по теории речевого воздействия, определена суть ведущих теоретических понятий, проанализированы и систематизированы вербальные и невербальные средства речевого воздействия. Нами исследованы и проанализированы использования средств и приемов речевого воздействия при создании образа главного героя романа и выявлены особенности реализации средств речевого воздействия в тексте. Таким образом, цель работы достигнута.

Основу нашего теоретического исследования составляют работы И. А. Стернина, Е. Ф. Тарасова, Е.В. Омельченко, Е. В. Шелестюк и Н. Ю. Питецкого. На основе трудов этих исследователей, мы определили суть понятия «речевое воздействие» и рассмотрели классификацию средств и приемов речевого воздействия.

В практической части нашего исследования мы проанализировали фрагмент текста романа Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» в аспекте речевоздействующего анализа. На этом этапе работы мы определили, что в эпилоге романа используются такие средства воздействия, как парадокс, метафоризация, ритмизация, опора на концепты и аллегоричность. Также нами произведена попытка анализа эпизода фильма в аспекте речевоздействующего анализа. Мы пришли к выводу, что в этом эпизоде наглядно демонстрируется результат речевого воздействия. Живая свободная речь героя, его знание жизни народа, призывность речи способствуют отклику адресата. Помимо этого, в практической части мы рассматриваем вербальные и невербальные средства речевого воздействия как способ

характеристики главного героя. Нами выявлено, что, помимо характеристики героя, средства речевого воздействия используются с целью воздействия на публику, следовательно, несут ещё дополнительную смысловую нагрузку.

Таким образом, в выпускной квалификационной работе роман Роберта Уоррена Пенна «Вся королевская рать» впервые рассматривается в аспекте речевого воздействия. Мы смотрим на героя не только как социально-значимую персону, но и как на ратора. Его речь рассматривается нами в аспекте речевоздействующего анализа. В работе уточняются теоретические понятия средств и приемов речевого воздействия применительно к тексту романа, такие как парадокс, повторяемость, прецедент, метафоризация, градация, ирония, соматизм, апеллятивность и другие. Нами также выявляются специфики использования найденных приемов речевого воздействия в романе. Помимо этого, в работе впервые применен алгоритм речевоздействующего анализа к фрагменту текста и к эпизоду фильма.

Материал исследования может быть использован на спецкурсах по теории речевого воздействия, на семинарах и факультативах в вузовских и школьных курсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анищенко, А.В. О некоторых особенностях трансляции невербальных элементов коммуникации в виртуальной среде [Электронный ресурс] / А.В. Анащенко. –Режим доступа: cyberleninka.ru article/n/o – nekotoryh-osobennostyah-translyatsii-v-virtualnoi-srede (дата обращения: 10.04.2017)
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека.//Издательство. Языки русской культуры. –1999.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. О.С. Ахманова. Изд. 4-е, стереотипное. –М.: КомКнига, 2007.-576с.
4. Баранов, А. Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание [Текст] / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – Москва : ИНИОН, 1998. – С. 100–143.
5. Безменова, Н.А. Риторическая модель речевой деятельности // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 15-27.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М.: «Прогресс», 1974. Изд.3. УРСС. 2009.
7. Бережан, С.Г. К вопросу о синонимии исконных и заимствованных слов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков; под ред. М.А. Бородиной и М.С. Гурычевой. М.: Наука 1966. С. 51-68., с. 117.
8. Библер, В.С. К философской логике парадокса / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1988. - №1. – С.28-42
9. Бродский, Н. Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов : в 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского [Электронный ресурс]. 47 – Режим доступа: http://snegirev.ucoz.ru/index/slovar_literaturnjux_terminov/0-1819
10. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
11. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72..

12. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — «Прогресс», 1984 // Издательская группа «Прогресс», 2000.
13. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн./Т.В. Жеребило. — Назрань: Изд-во «Пилигрим». -2010.
14. Зверев, А. и Левидова, И. Современная американская поэзия. — М., «Прогресс», 1975
15. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М.: УРСС, 2006.- 288 с.
16. Каменева, В.А. Особенности речевого и идеологического воздействия [электронный ресурс] / В.А. Каменева
17. Караулова, Ю.Н. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2003. — репр. изд. — 704 с, 16 с. вкл.
18. Кашкин, В. Б. Коммуникация, текст и перевод [Электронный ресурс] / В. Б. Кашкин. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-tekst-i-perevod> (дата обращения: 12.04.2017).
19. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/apellyativnost-v-yazyke-i-rechi-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka>
20. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация [Текст] : успешность речевого воздействия : учебное пособие / Е. В. Клюев. — Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. — С.111–194.
21. Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика и лингвоконцептология / А.В. Кравченко Язык и восприятие: Когнитивная лингвистика и лингвоконцептология. — Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996. — 160 с.
22. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. — Иркутск: ИГУ, 1996.
23. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 3—15.
24. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. — М.: Российский гос. ун-т, 1995. — С. 149–238.
25. Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса) :

спец. 10.02.19 - Теория яз. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Челябинск, 2011.

26. Омельченко, Е. В. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса: монография / Е. В. Омельченко ; М-во образования и науки РФ, Федерал. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Челяб. гос. пед. ун-т». – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. – 222 с.

27. Осокина, С. А. Существуют ли механизмы языкового воздействия на человека? [Текст] / С. А. Осокина // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 67–74.

28. Остин, Д. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С. 22–129.

29. Петренко, В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики [Текст] / В. Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : Наука, 1990. – С. 31–34.

30. Питецкий, Н. Ю. Стратегии и тактики аргументации в убеждении / Н. Ю. Питецкий // Язык и коммуникация: изучение и обучение. – Орел : [б. и.], 2005. – С. 47–49.

31. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69–77.

32. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – Москва : Центр, 1998. – 352 с.

33. Розенталь, Д.Э. и Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. –2-е изд., испр. И доп. – М., «Просвещение», 1979. –543 с.

34. Седов, К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности [Текст] / К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 298–312.

35. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов / Г.Г. Слышкин. –М.: Academia, 2000. –138 с.

36. Смелкова, З.С. Педагогическое общение: Теория и практика учебного диалога на уроках словесности // Учебное пособие. Педагогическая риторика в вопросах и ответах под ред. Н.А. Ипполитовой. М.: МПГУ, Издательство «Прометей», 2011.

37. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. Издательство «Наука», М. –1975.
38. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Полиграф, 2001. – 227 с
39. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия [Текст] : учебное издание / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
40. Стругова, Г.С. «Градация как стилистический прием художественной речи» Речь в современном социокультурном пространстве. / Г.С. Стругова КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/gradatsiya-kak-stilisticheskiy-priem-hudozhestvennoy-rechi>)
41. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения / Е. Ф. Тарасов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. –Москва : Наука, 1990. – С. 3–14.
42. Теляя, В.Н. Метафора как проявление принципа антропоцентричности в естественном языке // Материалы Междунар. конгресса по логике и методологии науки. – М.: Наука, 1988.
43. Уоррен Р. П. Избранное. — М.: Прогресс, 1982. — 684 с.
44. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. в 4-х томах. // под редакцией профессора Д.Н. Ушакова. Издательство «Терра», М., - 1996.
45. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов.– Екатеринбург: УрГПУ, 2001.
46. Шаховский, В. И. О роли эмоций в речи [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психологии. – 1991. – № 6. – С. 111–117.
47. Шелестюк, Е. В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 20. – С. 166–176.
48. Школьник, Л. С. Исследования речевого воздействия: целевой подход [Текст] : (обзор) / Л. С. Школьник // Язык как средство идеологического воздействия : сб. обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин. – Москва : ИНИОН, 1983. – С. 122–136.
49. Шрейдер, Ю. А. Информация и фасцинация в прямой и непрямо́й коммуникации [Текст] / Ю. А. Шрейдер, Н. Л. Мусхелишвили // Фасцинация. Коммуникация. Общение : сб. / под ред. В. Соковнина. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2010. – С. 53–64.

50. Электронный ресурс: http://old.russ.ru/krug/20030403_kalash.html
51. Электронный ресурс: http://www.ng.ru/subject/2007-04-26/1_kogorta.html
52. Ярцев, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь // Под ред. В. Н. Ярцева. –М.: 1990. – 456 с.